

Чу Яньбай поправил одежду и глубоко вздохнул, собираясь подняться, чтобы проверить, не пришел ли Режиссёр Ван. Кончиками пальцев он бережно разгладил несуществующие складки на пиджаке. Подкладка воротника держала форму безупречно — это был старый костюм, сшитый на заказ, который он специально отыскал для такого случая. Пусть фасон был не самым модным, но выглядел он достаточно достойно для встречи с именитым режиссером. В кармане он то и дело перебирал пальцами края сценария, на страницах которого мелким почерком были записаны его мысли о персонаже — каждая пометка стоила ему нескольких бессонных ночей. Он и представить не мог, какая буря ждет его за дверью конференц-зала. Полный ожиданий, он направился к месту встречи. Его шаги были легкими, но в них сквозило легкое волнение, а туфли звонко цокали по мраморному полу, словно отбивая ритм его собственного сердца. Он еще не знал, что опасность подстерегает его за каждым поворотом.

Местом встречи было выбрано кафе под открытым небом у подножия здания кинокомпании. В другое время это был уютный уголок, залитый солнцем, но сейчас здесь царил удушливый хаос. Стоило Чу Яньбаю завернуть за угол, как в нос ударил резкий, тошнотворный запах: смесь десятка видов дешевых духов, пота разгоряченной толпы и едкого табачного дыма. Этот коктейль запахов был настолько тяжелым, что Чу Яньбай невольно зажал нос, нахмурившись.

Картина, представшая перед ним, заставила кровь застыть в жилах. Около двадцати человек плотной стеной окружили вход в кафе. В руках они держали плакаты с грязными ругательствами, написанными пугающе яркой красной краской. Кто-то, привстав на цыпочки, заглядывал в сторону офиса, кто-то перешептывался, выплевывая оскорбления, а несколько девушек неистово трясли светящимися палочками. Грохот пластика, смешанный с криками, превратил тихую улицу в базарную площадь, вышедшую из-под контроля. Сердце Чу Яньбая ухнуло вниз. Он замер на месте, его первым порывом было подумать, что он ошибся адресом, но имя Чу Яньбай, выведенное на плакатах, не оставляло места для самообмана.

Не успел он сделать и полшага назад, как кто-то в толпе выкрикнул: Он пришел! Группа людей, словно акулы, почуявшие кровь, мгновенно развернулась и бросилась к нему. Пять или шесть рук одновременно вцепились в его плечи и пиджак, сжимая с такой силой, что, казалось, вот-вот захрустят кости. Бесстыжий омега! Хватит притворяться! Ты выбиваешь себе роли через постель! — выкрикнула девушка с розовыми волосами, прорвавшись вперед. Ее слюна летела ему в лицо, а в глазах сквозила ненависть, подобная яду.

Именно так! Проваливай из индустрии! Ты украл роль нашего кумира! — вторил ей рослый парень, с силой дернув за край сценария, торчавший из кармана Чу Яньбая. Раздался резкий звук рвущейся бумаги. Поток оскорблений обрушился на него, как лавина: его обвиняли в интригах, высмеивали его происхождение, сыпали самыми низкими проклятиями. Все это сплеталось в плотную сеть, из которой невозможно было выбраться. В ушах у Чу Яньбая звенело, словно в голове поселился рой пчел, мысли путались, а лица людей перед глазами расплывались.

Он открыл рот, пытаясь объяснить, что пришел лишь на пробы и ни у кого ничего не отнимал, но стоило ему произнести: Я не..., как его голос утонул в еще более громком гуле. Еще смеешь оправдываться? Доказательства в сети, а у тебя еще хватает наглости спорить! Кто-то толкнул его в спину, он пошатнулся и с силой ударился о дорожное ограждение. От боли перехватило дыхание. Со всех сторон на него сыпались удары: кто-то тянул за волосы, кто-то рвал одежду, кто-то бил плакатом по плечам. Не в силах устоять на ногах, он инстинктивно сжался в комок,

закрывая голову и лицо руками. Сквозь пальцы он видел лишь искаженные яростью лица.

В этой суматохе его пиджак был разорван, подкладка вылезла наружу, превращая его вид в жалкое зрелище. Волосы спутались, пряди прилипли к взмокшему от пота лбу, закрывая обзор. Он чувствовал, как лицо пылает — не от стыда, а от жгучей смеси ярости и обиды, но сильнее всего было леденящее душу чувство беспомощности. Он никогда не думал, что шанс, которого он так ждал, обернется таким унижением.

В этот момент послышался знакомый гул мотора. Сердце Чу Яньбая подпрыгнуло. Выглянув из-за рук, он увидел черный Мерседес — это была машина Режиссера Вана.словно утопающий за соломинку, он попытался пробиться сквозь толпу, но люди стояли как монолитная стена, не двигаясь с места.

Машина собиралась остановиться у входа, но путь ей преградили. Несколько особо яростных фанатов бросились к капоту, колотя по нему кулаками и выкрикивая: Не бери его! Он сплошная проблема! Водитель отчаянно сигналил, пронзительный звук разрезал шум толпы, но это лишь еще сильнее раззадорило людей.

Режиссер Ван сидел на заднем сиденье, нахмурившись с того самого момента, как увидел толпу. Сквозь стекло он отчетливо разглядел Чу Яньбая: растрепанного, с разорванной одеждой, которого толкали и пинали. Помощник рядом прошептал: Похоже, это хейтеры пришли разобраться с ним. Лицо Режиссера Вана помрачнело. В его глазах артист, не способный навести порядок в своей частной жизни и имидже, был лишь источником проблем. Пригласить такого человека в свой проект — значит навлечь на себя бесконечные скандалы и кризисы с общественностью.

Нетерпеливо махнув рукой, Режиссер Ван холодно бросил водителю: Разворачивайся. Уезжаем, встреча отменяется. В его тоне не было ни тени сомнения, лишь безразличность к возникшей помехе.

Водитель нажал на тормоз и резко вывернул руль. Шины с визгом проскрежетали по асфальту, машина медленно развернулась, и вскоре ее задние фары скрылись из виду, унося прочь надежды Чу Яньбая.

Он смотрел вслед черному седану, пока тот окончательно не исчез за углом. Сердце, только что бешено колотившееся в груди, словно попало в невидимые тиски, а затем с грохотом рухнуло на холодную землю, разбившись вдребезги. Сценарий в кармане все еще был при нем, но пометки на полях теперь казались издевкой. Огонек надежды, едва успевший вспыхнуть, был безжалостно потушен, не оставив даже искры.

Он стоял неподвижно, оглушенный. Звуки ругани и толкотни словно отгородились от него толстым слоем стекла, став далекими и нереальными. Он чувствовал боль в плечах, ощущал едкий запах в воздухе, но все это меркло перед пустотой внутри — отчаянием человека, чьи мечты рухнули в один миг. Небо оставалось ясным, но солнечный свет больше не достигал его глаз. Весь мир стал серым и безжизненным, а каждый вдох причинял острую, как осколки

стекла, боль.

<http://bllate.org/book/18643/1795665>